Когда они вошли внутрь, перед ними наконец открылся полный вид кладбища. Повсюду цвели цветы, имелись искусственные холмы и павильоны — всё, что положено. Пройдя по тропинке, они увидели в самом конце белую могилу. На возвышающемся надгробии была цветная фотография очень красивой, но холодной женщины. На старой фотографии не было ни ретуши, ни попыток что-то скрыть, её красота напоминала картину, написанную тушью.

У могилы стояли двое — Цзи Юаньшэн и Цзи Бэйчуань. Цзи Юаньшэн держал зонтик, неизвестно сколько уже времени стоял там, и задняя часть его дорогого костюма всё равно промокла. Услышав сзади шум, он обернулся и, увидев Шэнь Чэна, на лице отразились волнение и движение души:

— Ты пришёл.

Шэнь Чэн слегка кивнул.

Человек, державший в своих руках деловой мир, сейчас выглядел одиноким. Он поманил Шэнь Чэна рукой:

— Иди, дитя. Это твоя мать.

Дождь лил стеной. Слово «мать» ветром донеслось до ушей Шэнь Чэна — чужое, но в то же время несущее в себе тяжёлый смысл.

Шэнь Чэн сделал шаг и медленно подошёл к могиле. Его взгляд упал на надгробие, он смотрел на фотографию той женщины. Её лицо на фото было холодным, но Шэнь Чэну казалось, что он видит в нём нежность. За долгие годы фотография немного выцвела и перестала быть такой чёткой, но он просто смотрел на неё, и Шэнь Чэн чувствовал, как что-то внутри него медленно наполняется.

В этой маленькой могиле покоилась его мать.

Его не лишали материнской любви, его мать очень любила его, дала ему самую большую любовь и даже пожертвовала ради него жизнью.

Цзи Юаньшэн, глядя на двух мальчиков, стоящих у могилы, сказал:

— Считается, что вы здесь впервые. Она не любила шума, любила тишину. Столько лет прошло, а тут как-то неожиданно оживлённо.

Цзи Бэйчуань, стоявший чуть в стороне, слегка сжал кисть руки, в голове крутились расчёты.

Когда он впервые пришёл сюда, он был ещё совсем маленьким и не понимал, что такое горе. Просто тупо смотрел, не в силах понять чувства отца, поэтому тогда и не смог себя хорошо проявить.

Позже, возможно, именно из-за этого Цзи Юаньшэн больше никогда не брал его сюда. А сегодня привёл. Не значит ли это, что в сердце у него всё же есть место для этого сына? Он посмотрел на рядом стоящего Шэнь Чэна — тот тоже молчал, даже не выказывал никакой печали. Разве это не то, что больше всего не нравится отцу?

Если он покажет себя лучше, отец, возможно, разочаруется в Шэнь Чэне и решит, что тот хуже.

Думая об этом, Цзи Бэйчуань незаметно ущипнул себя, изо всех сил стараясь вызвать слёзы. Его всхлипы были достаточно громкими, чтобы их услышали стоящие рядом люди. Он, держа зонтик и ступая по мокрым камням, подошёл к самому центру, поклонился и, сдерживая рыдания, проговорил срывающимся голосом:

— Мама, ребёнок пришёл навестить тебя. Эти годы я иногда слышал о тебе от других в доме. С детства я слышал твоё имя и рос, глядя на твои фотографии. В моём сердце ты всегда была моей родной матерью. Сегодня я наконец смог прийти навестить тебя.

Под дождём его слёзы катились быстро, и его плач у могилы был полон скорби. По сравнению с молчаливым Шэнь Чэном, с которого не упало ни одной слезы, он выглядел как родной сын.

Цзи Юаньшэн, видя, как Цзи Бэйчуань дрожит весь от плача, вздохнул:

— Не плачь.

Цзи Бэйчуань вытер лицо и тихо произнёс:

— ...Да, прости, отец.

Цзи Юаньшэн похлопал его по плечу.

Высокий и красивый мужчина, глядя на фотографию женщины, вспоминал прошлое. Шэнь Ютин умерла тогда, когда он любил её больше всего. Более десяти лет не смогли принести ему ни малейшего облегчения, в сердце поднималась волна боли, глазницы слегка покраснели. Если бы здесь не было младших, он, возможно, тоже распустил бы слёзы.

Цзи Бэйчуань украдкой взглянул на Шэнь Чэна, желая подлить масла в огонь:

— Брат Чэн, ты тоже хочешь подойти и поклониться? Не смейся надо мной за слёзы, я просто слишком загрустил, когда увидел мать, и не смог сдержаться.

В любом случае Шэнь Чэн не заплачет.

Ребёнок, вернувшийся на полпути, разве может быть так близок, как тот, кто был рядом всё это время?

Шэнь Чэн повернулся и посмотрел на него. Его проницательные глаза, казалось, легко разгадали низкую актёрскую игру и тёмные мысли Цзи Бэйчуаня. Дождь лил стеной, вода текла по камням. До сих пор молчаливо стоявший юноша за несколько шагов подошёл прямо к надгробию.

На глазах у Цзи Бэйчуаня чёрный зонт, который держал Шэнь Чэн, был отставлен в сторону. Дождь обрушился вниз, мгновенно промочив юношу насквозь, но он не выказал ни малейшего волнения. Он merely выпрямил спину и встал перед могилой, затем медленно опустился на колени и торжественно трижды поклонился до земли.

Цзи Бэйчуань не верил своим глазам.

Дождь промочил юношу до нитки, но он, казалось, этого не замечал, просто тихо стоял на коленях перед могилой, глядя в глаза женщине с нежными чертами на фото. С самого начала и до этого момента он был необычайно молчалив, но здесь, под шум ливня, Шэнь Чэн заговорил. Его голос был хриплым и тяжёлым:

— Мать.

Молния прорезала небосвод, ветер промчался по кладбищу, развевая мокрую одежду юноши. Он не плакал, но весь он был окутан бесконечной печалью.

Он тихо произнёс:

— Я Шэнь Чэн.

«Я пришёл навестить тебя».

Мир окрасился в мрачные тона, в лесу бушевала буря, на широкой аллее кладбища стояли несколько человек, каждый погружён в свои мысли.

Ливень продолжался. Цзи Юаньшэн смотрел на одинокую фигуру юноши перед могилой, сердце ныло. Кровная связь — это очень тонкая, трудно объяснимая эмпатия. Когда плакал Цзи Бэйчуань, в его сердце не возникало особого отклика, но Шэнь Чэн, не проливший ни слезы, заставил его переживать тысячу чувств.

Цзи Юаньшэн подошёл ближе, накрыл юношу зонтом и, наклонившись, протянул руку, чтобы помочь ему встать:

— Не простудись, вставай скорее.

Высокий мужчина стоял перед Шэнь Чэном как большое дерево, заслоняя его от ветра и дождя. Мальчик был на полголовы ниже его, тело полностью промокло, вода стекала по мокрым волосам на худощавое лицо. Цзи Юаньшэн хотел протянуть руку, чтобы вытереть воду, но наткнулся на отстранённый и насторожённый взгляд.

Рука замерла в воздухе. Цзи Юаньшэн достал из кармана пиджака шелковый платок и вытер лицо Шэнь Чэна, нахмурившись и с некоторой жёсткостью отчитывая:

— Зачем ты бросил зонт? А вдруг заболеешь?

Рядом Цзи Бэйчуань тайно обрадовался. Отец отчитывает Шэнь Чэна?

Если бы это был он сейчас, он бы уже в панике извинялся. Получается, Шэнь Чэн попытался хитрить, но проиграл?

Однако сцена, которую он предвидел, не произошла. Шэнь Чэн сказал:

— Не заболею.

Цзи Юаньшэн хотел было открыть рот, но услышал, как мальчик перед ним опустил глаза и спокойно произнёс:

— Я промок всего немного. Я привык.

...Привык?

Дождь громко ударял по зонту, вокруг всё стихло. Рука Цзи Юаньшэна сжала ручку зонта, чувство вины хлынуло как прилив, почти затопив сердце этого мужчины, которому было почти сорок лет.

Он чувствовал неловкость, особенно перед могилой своей жены. Он не позаботился как следует об этом ребёнке, позволил ему перенести столько страданий. Если бы он не вернулся в этом году, возможно, они бы так и пронеслись мимо друг друга всю жизнь. Этот ребёнок был тем, кого Шэнь Ютин обменяла на жизнь, его единственной плотью и кровью!

Цзи Юаньшэн снял свой пиджак и набросил его на плечи Шэнь Чэна. Просторная одежда укрыла юношу, в ней ещё оставалось тепло тела человека, словно отгоняя холод дождя снаружи.

Шэнь Чэн с удивлением поднял на него глаза.

Цзи Юаньшэн помог ему плотнее застегнуть одежду. Зрелый и уверенный голос звучал с некоторой серьёзной нежностью. Этот мужчина тоже не умел выражать свои чувства, умел говорить только сухо:

— Что бы ни было в прошлом, теперь отец здесь, и я не позволю тебе больше мокнуть.

Шэнь Чэн молчал долгое время, не двигаясь. Можно сказать, это был первый раз, когда он не отвергал прикосновения Цзи Юаньшэна. Он довольно послушно стоял перед мужчиной. Шэнь Чэн был по натуре сильным, редко показывал уязвимость, но именно сейчас это вызывало у мужчины ещё большую боль.

Цзи Юаньшэн смотрел на чёрную макушку ребёнка, под широким пиджаком его фигура казалась ещё более хрупкой. Даже если он вёл себя очень стойко и зрело, в конечном счёте это был всё ещё ребёнок четырнадцати лет. Мужчина тихо спросил:

— Надо помыться. Машина снаружи, поедем с папой домой?

Хотя ветер и дождь снаружи по-прежнему бушевали, атмосфера здесь в этот момент была тёплой и уютной.

Однако Цзи Бэйчуань сделал шаг вперёд. Подходя, он принёс с собой холод:

— Отец, мы уже уходим?

Цзи Юаньшэн остроумно заметил, что когда тот подошёл, лицо Шэнь Чэна изменилось.

http://bllate.org/book/16727/1538283